

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 103–115.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 4 (89):103–115.

Научная статья
УДК 821.161.1-31.09"18"
DOI 10.37724/RSU.2025.89.4.011

Категория цели в финальной книге Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Елена Михайловна Бондарчук

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва,
Самара, Россия
elena_bondarchuk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с религиозно-философскими взглядами Ф. М. Достоевского. Цель исследования заключается в изучении телеологической проблематики в романе «Братья Карамазовы». Несмотря на значимость, этот аспект поэтики произведения еще не освещен всесторонне. Основное внимание автор статьи сосредоточивает на категории цели и способах ее экспликации. Ключевая позиция категории цели подтверждается тем, что она, во-первых, синтезирует основные темы романа, определяя идейное содержание, во-вторых, присутствует как тема — к ней обращаются главные герои и второстепенные персонажи, в-третьих, реализуется в композиции романа, в основу которой положен телеологический принцип. Выделены три способа маркировки категории цели в словесных действиях героев романа. Один из них — лексический — является объектом рассмотрения. Предметом исследования являются дискурсы героев и повествователя, в которых есть лексема «цель». Научная новизна исследования состоит в определении композиционной и содержательной функций категории цели, что необходимо для понимания автора как субъекта эстетической деятельности. Введено разграничение понятия «цель», относящегося к действиям героев в предметном мире, и понятия “telos”, которое обозначает истинную, вневременную цель жизни, трансцендентную, внеаходимую по отношению к сознанию человека. Установлено принципиальное отличие между оглашением цели героем в словесных действиях и сообщением о цели, которое принадлежит повествователю. Определена связь категорий цели и памяти. Результаты исследования могут быть использованы на спецкурсе, посвященном изучению творчества Ф. М. Достоевского в высших учебных заведениях, а также при анализе иных художественных текстов, имеющих сложную поэтику.

Ключевые слова: дискурс, память, профанное, сакральное, телеология, словесные действия, сценарий «исток — путь — цель», ценностная перспектива.

Для цитирования: Бондарчук Е. М. Категория цели в финальной книге Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 103–115. DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.011.

Original article

The category of *purpose* in the final book of F. M. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*

Elena Mikhailovna Bondarchuk

Samara National Research University named after named after academician S. P. Korolev,
Samara, Russia
elena_bondarchuk@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the religious and philosophical views of F. M. Dostoevsky. The purpose of the study is to examine the teleological issues in the novel *The Brothers Karamazov*. Despite its significance, this aspect of the poetics of the final book has not yet received comprehensive coverage. The author

focuses on the category of purpose and the ways of its explication. The key position of the category of purpose is confirmed by the fact that, firstly, it synthesizes the main themes of the novel, defining the ideological content, secondly, it is present as a theme — the main characters and secondary characters address it, and finally, it is realized in the composition of the novel, which is based on the teleological principle. Three ways of marking the category of purpose in the verbal actions of the novel's heroes are identified. One of them — lexical means — is the object of our consideration. The subject of the study is the conversations of the heroes and the narrator, in which the lexeme of *purpose* is present. The scientific novelty consists in defining the compositional and content functions of the category of purpose, which is necessary for understanding the author as a subject of aesthetic activity. A distinction is made between the concept of purpose, which refers to the actions of heroes in the objective world, and the concept of telos, which denotes the true, timeless purpose of life, transcendental, external in relation to human consciousness. A fundamental difference is established between the hero's declaration of the goal in verbal actions and the message about the goal as formulated by the narrator. The connection between the categories of *purpose* and *memory* are determined. The results of the study can be used in a special course devoted to the study of F. M. Dostoevsky's work, in higher educational institutions, as well as in the analysis of artistic texts having complex poetics.

Keywords: discourse, memory, profane, sacred, teleology, verbal actions, the script of source-path-purpose, value perspective

For citation: Bondarchuk E. M. The category of *purpose* in the final book of F. M. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 4 (89):103–115. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.011.

Введение

Религиозно-философские взгляды Ф. М. Достоевского представляют большую научную область, исследовательский интерес к которой не ослабевает с течением времени. «При всей своей удаленности от академической философии», как отмечает Дж. Сканлан в монографии «Достоевский как мыслитель», Достоевский «был одним из самых философских писателей... <...> ...его романы посвящены “не в меньшей степени идеям, чем людям”» [Сканлан, 2006, с. 9]. Общепризнано влияние антропологического и телеологического дискурсов прозы Ф. М. Достоевского на русскую философскую мысль — «на становление и проблематику русского религиозно-философского ренессанса» [Тарасов, 2017, с. 153] и на развитие русской литературы XIX–XX веков. Устойчивое внимание обусловлено «новым качеством и способами репрезентации» [Там же, с. 153] философского знания — раскрытием его в художественных образах, что открывает возможность для генерирования различных подходов, вариантов осмысления, интерпретаций. С точки зрения К. Г. Исупова, «проза Достоевского стала надежным источником глубокомысленных и даже изощренных художественных и философических архитектур» [Исупов, 2016, с. 2]. К изучению телеологической проблематики романов Ф. М. Достоевского в рамках литературоведения обращались А. П. Скафтымов, Б. М. Энгельгардт, Е. М. Мелетинский, В. Л. Комарович, Ю. Ф. Карякин, В. Н. Топоров, В. Е. Ветловская, В. Н. Захаров, Б. Н. Тихомиров, И. А. Есаулов, Л. И. Сараскина, Т. А. Касаткина и др.

Основная часть

Телеология в романе «Братья Карамазовы»

Наиболее сложно и масштабно религиозно-философский опыт Ф. М. Достоевского преломился в поэтике финальной книги «Братья Карамазовы» (далее — БК). В «Записных тетрадах», из которых «вырос» роман, Ф. М. Достоевский делает заметки о божественной телеологии, «о принципиальной внеположности истинного человеческого идеала земной жизни» [Касаткина, 2019, с. 150]. Ф. М. Достоевский утверждает: «Отрицание необходимо, иначе человек так бы и заключился на земле как клоп. Отрицание земли нужно, чтобы быть бесконечным. Христос, высочайший положительный идеал человека, нес в Себе отрицание земли, ибо повторение Его оказалось невозможным» [Достоевский, 1982, с. 112]. Хаотическая действительность, наполненная частностями и мелочами, обнаруживающая себя «в случайном, в происшествиях, в скандалах, в несчастях, в преступлениях, в чудовищном» [Лихачев, 1974, с. 617], не определяющаяся ни «типическим», ни «средой», в телеологическом контексте разворачивается как пространство и время бесконечных возможностей «к открытию связей Бога и человека в аспекте

“телеологической теплоты” — в аспекте доверия» [Овчинников, 2001, с. 167]. В такой действительности «нет ничего случайного, нет ничего, что не вызвано было бы *конечной устремленностью* ищущего творческого духа» (курсив наш. — Е. Б.) [Скафтымов, 1972, с. 23].

Цель и дискретная действительность

Телеологическая концепция является основополагающей для философского мышления Ф. М. Достоевского и занимает центральное место в идейном комплексе БК. Теоретическую базу данного исследования составили труды К. Г. Исупова, Т. А. Касаткиной, Д. С. Лихачева, Б. Н. Тарасова, Г. К. Щенникова. Главным способом репрезентации телеологической проблематики в художественном мире Ф. М. Достоевского выступает категория цели, которая, во-первых, синтезирует основные темы романа, определяя их идейное содержание, во-вторых, присутствует как тема — к ней обращаются главные герои и второстепенные персонажи, и, наконец, в-третьих, реализуется в композиции романа, в основу которой положен телеологический принцип.

Категория цели тесно связана с категорией памяти, в сочетании с которой формируется развернутая телеологическая парадигма. «Слово-конструкт *память* относится к идеальному лексикону, к “гипостазированной” [Делёз, 1998, с. 182] или платоновскому языку. В отношении таких слов уместен вопрос: *Что есть P?* Например, *Что есть вечность/память/красота?* Этот вопрос провоцирует множественность ответов, которые могут иметь формат дефиниций, интерпретаций, рассуждений, описаний, диалогов между философами по образованию и или по велению души и т. д. Циклическое возобновление вопроса: *Что есть P?* удовлетворяет “потребность в трансцендентном” [Витгенштейн, 1994, с. 425–426]» [Брагина, 2007, с. 20]. К такого рода словам-конструктам идеального лексикона может быть отнесено слово «цель». Как предельно общие понятия с большим семантическим полем, связанные с противоположными временными планами (будущим и прошлым), категории цели и памяти открывают движение к скрытым смысловым слоям, связанным с первообразами, первоначалами, первопричинами и, как следствие, проблематизируют поведение и поступки героев и выступают как способ формирования метафизического плана в романе.

Герои БК задумывают и осуществляют цели в кризисном и провокативном хронотопе, испытывая на себе его разрушительное влияние. Отмечая художественное и философское новаторство Ф. М. Достоевского, К. Г. Исупов, пишет: «Основные черновики дискретной действительности и первые образы (“образцы”, если угодно) разорванного сознания предьявлены были прозой Достоевского» [Исупов, 2016, с. 33]. Среда бросает человеку вызов бесконечной чередой столкновений и неразрешимых противоречий. Но именно в непреодолимой тотальной раздробленности, рассогласованности и разъединенности, присущей кризису, парадоксальным образом предельно заостряются вопросы о смысле бытия, его поисках, о божественной телеологии как основе жизни и представлений о ней. Этот тяжелый контекст порождает главный вопрос, связанный с памятью/забвением единой, супраментальной (сверхличной) цели, цели целей, конечной цели — *telos(a)*, которая выступает как онтологическое основание жизни, придающее всему сущностный смысл, и архэ¹, этической категории, связанной с первоначалом, без которой «потребность разума обозначить цель оказывается дурной» [Зубец, 2019, с. 54].

Смыслы, соотносимые с целями, амбивалентны: «любой смысл подлежит деконструкции — распятию и воскресению» [Фришман, 1994, с. 118]. В художественном мире Достоевского идет постоянная смена утверждения и отрицания, создания и разрушения. Поверхностное (профанное) чреват сущностным (сакральным), ведущим к осуществлению «закона любви». И наоборот, сакральное профанируется. Б. Н. Тарасов подчеркивает особый интерес Ф. М. Достоевского к «текучести» человеческой природы, «соединяющей в себе... царские и рабские, божественные и природные начала» [Тарасов, 2017, с. 158], его «изначально впечатляла неискоренимая мерцательная двойственность» [Там же, с. 158]. Выявление переходов, границ между разными планами является одним из актуальных аспектов исследования поэтики Ф. М. Достоевского, далеких от завершения, так как «метафизика на территории художественной прозы и публицистики писателя — не приведенная

¹ «Понятие ἀρχή поступка несопоставимо и несоизмеримо с распространенными в современной этике понятиями намерения, мотива или желания и уж тем более не сводимо к ним: в нем человек стоит в великом властно-ответственном отношении к миру в его полноте и цельности» [Зубец, 2019, с. 60].

в систему гносеологическая инструкция» [Исупов, 2016, с. 28–29], «...она может многое, но эта эстетически выразительная метафизика никогда не предоставит нам готовых решений и выводов...» [Там же, с. 28–29].

Целевой сценарий

В когнитивной лингвистике концепт «цель» принято соотносить с трехчастным сценарием «исток — путь — цель», в котором раскрывается прошлое — настоящее — будущее отдельной человеческой судьбы. В онтологию сценария входит предметно-вещный мир и люди с их бесконечно варьирующимися отношениями. Исток многое определяет в сценарии, содержит потенциал, которому предстоит раскрыться в движении (в пути) и в результате (в цели). В контексте мифологического мышления, согласно В. Н. Топорову, путь героя представляет собой движение из периферийного (профанического) пространства к его сакральному центру. Большое значение имеет степень удаленности истока (начальной позиции) от сакрального центра. Герои, поставленные в те или иные обстоятельства, осуществляют цели, двигаясь по разным траекториям, и либо приходят к центру, то есть к постижению сакральных смыслов, открытию этического горизонта собственной личности и, как следствие, возможности преображения, либо уходят в сторону, оставаясь в системе профанных смыслов, даже при достижении неких видимых результатов в предметном мире.

Сценарий «исток — путь — цель» в романах Ф. М. Достоевского, в частности в БК, реализуется в новой пространственно-временной организации и новой системе отношений автора и героя. Традиционные субъект-объектные связи, которым присуща «опредмеченность героев в авторском замысле, они связывают и сочетают завершенные образы людей в единстве монологически воспринятого и понятого мира» [Бахтин, 2002, с. 11], сменяются субъект-субъектными связями — «множественностью равноправных сознаний с их мирами» [Там же, с. 11]. Как следствие, «обычные сюжетно-прагматические связи предметного или психологического порядка» [Там же, с. 11], необходимые для создания видимых жизненных событий героя, утрачивают определяющее значение, фабула ослабляется. Первостепенную важность приобретают драматургические компоненты (диалоги, монологи, саморефлексия) — «словесные действия» [Хализев, 1978, с. 7], которые могут складываться в сюжете в «непрерывную линию» и могут замещать физические. Сосредоточенность на ментальной и эмоциональной репрезентации человека сводит к минимуму изображение предметно-вещного мира. Напротив, объем словесных действий возрастает и часто превосходит условную норму, существующую в первичной реальности (обилие и пространственность высказываний; информативные функции, не оправданные обстоятельствами; декламационность произнесения, связанная с форсированием, утрированием)². Однако эффект «нагромождения» возникает также и как результат контрапунктного воспроизведения в сюжете множества целей (через сообщение/оглашение, утверждение, вопрошание), принадлежащих разным героям, которые оказываются в одной ситуации.

В тексте БК можно выделить три способа маркировки ситуаций, связанных с категорией цели и приобретающих вследствие этого статус «сильной позиции» в тексте БК, рассматриваемом как «сплошной контекст»³. Во-первых, лексический способ — в дискурсе используется слово «цель», а также его синонимы — замысел, умысел, задача, назначение, стремление. Во-вторых, лексико-синтаксический — наречие цели «зачем» в вопросительных или восклицатель-

² О нарушении правдоподобия в мире Достоевского писал Анри Труайя. В этом мире все приносится «в жертву мысли», «люди больше не едят, не пьют, не спят, где многочисленные события нагромождены в пределах нескольких часов, где смешались день и ночь, где каждый говорит больше для того, чтобы убедить себя, чем для того, чтобы убедить других» [Бэлнеп, 1997, с. 29]. Н. А. Бердяев отмечал, что «все герои Достоевского только и делают, что ходят друг к другу, разговаривают друг с другом» [Бердяев, 2018, с. 9]. Д. С. Лихачев подчеркивал: «Персонажи говорят больше того, что они могли бы сказать в жизни» [Лихачев, 1971, с. 350].

³ «Пушкинский контекст есть принципиально сплошной контекст. Говоря иначе, это такой контекст, в котором все — насквозь и наперекрест, по горизонтали и по вертикали, от начала и до конца — вяжется, соотносится, резонирует, взаимодублируется, рифмуется, зеркально самоотражается, так что та или иная связь способна быть нитью, способной вывести к центру замысла. Это сплошь функциональный контекст, в нем на замысел “работает” все без исключения, до мельчайших деталей, до авторских купюр... и пустот... <...>. Вообще, сплошность — качество, суть которого как раз и выражается прямым смыслом латинского contextus — “сплетение”» [Непомнящий, 2001, с. 276].

ных конструкциях. И в-третьих, собственно синтаксический — сложные предложения с придаточными цели (с союзами для того, чтобы (в кн. варианте); чтобы, дабы, с тем, чтобы, лишь бы, только бы). В рамках данной статьи рассматривается преимущественно лексический способ маркировки ситуаций, связанных с категорией цели.

Лексема «цель» в словесных действиях

Лексема «цель» в дискурсе ⁴ героя/повествователя раскрывает его (героя) соотнесенность с ценностным аспектом жизни, идею, которой он руководствуется и которая предполагает определенный вариант путешествия (пути) к ней. Постановка цели, ее изменение, отказ от нее, возврат к ней могут быть быстрыми, почти мгновенными, что затруднительно отрефлексировать. Большая часть этого процесса остается в зоне «умолчания», сохраняется «принадлежность внутренней интимной сфере субъекта, хранение в ней, недоступность непосредственному наблюдению» [Радзиевская, 1992, с. 33]. В связи с этим особый интерес вызывают как раз те случаи, когда в ходе диалога/монолога о целях говорится прямо.

Идеи и намерения, раскрывающиеся на психологическом и топологическом уровнях сюжета, вполне укладываются в обозначение лексемой «цель». «И в этой ситуации самое страшное, что может случиться с человеком, — это принятие какой-либо цели в пределах “насущного видимо-текущего” за *окончательную*...» [Касаткина, 2018, с. 132]. Высшая цель, “telos”, возникает в метафизическом слое романа и «отнесена за пределы истории и движения человека в пределах истории» [Там же, с. 130].

Оглашение цели героем и сообщение о цели повествователем представляют собой различные словесные действия. Информирование повествователя о цели носит скорее констатирующий характер, объективирует героя, отражает внешний взгляд на него, транслирует устоявшуюся точку зрения, хотя и это утверждение для поэтики Ф. М. Достоевского относительно. Так, например, в небольшом эпизоде-характеристике упоминание главной цели жизни председателя суда разделяет описание этого второстепенного персонажа на две части: объективно-нейтральную (подчеркнуто позитивную) и ироническую [Достоевский, 1976, с. 91–92]. «Главная цель» в том варианте, как она заявлена, — «быть передовым человеком», — должна создать впечатление неординарного внутреннего статуса значительной личности, ее фронтальности по отношению к историческому времени [Там же, с. 91–92]. В действительности этот «передовой человек» оказывается носителем усредненного сознания, замкнутым в границах социального пространства и времени. Обезличенность также выражается в отсутствии имени у персонажа. Полное забвение настоящей цели — telos(a) — приводит к жизни, в которой человек рационально и произвольно подбирает и примеряет на себя ту или иную привлекательную социальную маску (как в данном случае маску «передового человека»). «Люди-маски Достоевского — наследники и инициаторы ложной действительности, построенной в умах носителей ложной идеологии и вынесенной в реальное бытовое обстояние, в историю» [Исупов, 2016, с. 67]. В условной второй части эпизода обнаруживается мнимость перечисленных достоинств личности. В отсутствии telos(a), то есть в состоянии беспамьятства, гуманность оборачивается безразличием к человеку, тяготением к отвлеченному, умозрительному пониманию жизни («лишь в общем смысле»), образованность — узостью рационалистичного, классифицирующего подхода к действительности (что выражается во фрагментах несобственно-прямой речи персонажа, где присутствует отсылка к его «передовым» рассуждениям о «русском элементе», о преступных явлениях, которые есть «продукт наших социальных основ»). Цель, ориентированная «исключительно на мирское как “вещь-для-себя”», профанна, «как существование, не узревающее возможности пакибытия, которое в религиозном обиходе трактуется как “новое бытие, возрождение, обновленная жизнь; иногда крещение”» [Волков, Волкова, 2022, с. 218].

В случае когда цель оглашается самим героем, то есть он предъявляет себя миру, начинает разворачивать сценарий взаимодействия с действительностью вне зависимости от количества участников диалога, происходит драматическое (действенное) раскрытие тайны, ее выход

⁴ Многозначный термин «дискурс» включает в себя в том числе и значение, аналогичное термину «словесные действия» (В. Е. Хализев), который применяется при анализе драматургических произведений. Согласно Н. Д. Арутюновой, дискурс — это «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие... <...>. Дискурс — это речь, “погруженная в жизнь”», это компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1990]. В контексте статьи данные термины рассматриваются как синонимичные.

из глубины внутреннего человека наружу. Цель выступает как реперная точка в словесных действиях, которая высвечивает этические координаты героя на осях прошлого — настоящего — будущего. Оглашенная цель может изменить состояние самого героя, других участников диалога и предметного пространства: отклик провоцируется, создавая повышенный драматизм и напряженность. Значимость оглашения цели у Достоевского означает для героя прежде всего «возможность экзистенциально пережить свою теоретическую точку зрения» [Фришман, 1994, с. 115]. С точки зрения М. М. Бахтина, «диалог у Достоевского... всегда внесюжетен... <...> ...это диалог “человека с человеком”» [Бахтин, 2002, с. 281]. Об этой черте художественного стиля писал Д. С. Лихачев: «Их [героев. — Е. Б.] разговор носит наджизненный, надбытовой характер. Это разговор их существ — сущностей» [Лихачев, 1971, с. 350]. К такому же выводу приходит А. П. Чудаков, называя тип литературного мышления писателя сущностным (в отличие от формо-ориентированного типа мышления) [Чудаков, 1980, с. 105].

В этом отношении интересны две сцены, содержательно и композиционно перекликающиеся друг с другом. Первая описывает встречу соперниц — Катерины Ивановны и Грушеньки и появление Алеши в доме Катерины Ивановны с устным посланием и поклоном от Дмитрия (гл. X «Обе вместе» кн. III «Сладострастники» ч. I). Во второй — Алеша вместе с Ракитиным посещают Грушеньку (гл. III «Луковка» кн. VII «Алеша» ч. III). В обеих сценах есть героиня, которая «поставила себе цель» — спасти грешника/погубить праведника, которая в конечном итоге должна удовлетворить гордость и самолюбие, есть тот (герой/героиня), которому отведена полуобъектная роль в означенной цели, есть наблюдатель или сообщник/помощник. Упоминание цели является кульминацией, точкой разворота смыслов и словесных действий в ходе диалога, что в одном случае приводит к скандалу и надрыву, в другом — к покаянию и надрыву. Герой/героиня, которым была предопределена роль в сценарии, утрачивает свою объектность, становится активным участником диалога, меняет его направленность и влияет на общий ход событий. В финале одной сцены происходит замыкание пространства, которое разделяет героев, в другом случае пространство размыкается в *telos* и открывается возможность для понимания и единения.

В гл. X «Обе вместе» разговор соперниц, предшествовавший появлению Алеши, помещен в зону умолчания, во внесюжетное пространство. Однако подробность обстановки: перечисление сладкого угощения — «шоколат», бисквиты, синий изюм, конфеты — не столько демонстрирует субъективную наблюдательность Алеши, сколько выступает как предметный вестник чрезмерной сладости — избыточной ласковости Катерины Ивановны, раскрывающей ее расчет. Сцена состоит из двух контрастных частей. В первой Катерина Ивановна увлечена идеализированной целью, находится в плену самообмана, ментальной иллюзии, которая ее преобразует: в ней была «лишь одна смелая, благородная энергия и какая-то ясная, могучая вера в себя» [Достоевский, 1976, с. 134], «лицо ее сияло неподдельною простодушною добротой, прямою и пылкою искренностью» [Там же, с. 134]. Воодушевление усиливается присутствием Алеши — человека чистого душой и откликающегося на благородные порывы.

Во второй части иллюзия исчезает и обнажаются «темные глубины» личности: героиня в ярости произносит много «непристойных» слов, готова растерзать соперницу, с ней случается нервный припадок. Моментом, переворачивающим ситуацию, являются слова Катерины Ивановны о намерениях относительно Дмитрия, адресованные Алеше: «Я поставила во всем этом одну только цель: чтоб он знал, к кому воротиться и кто его самый верный друг... <...>. Я хочу его *спасти навеки*» [курсив наш. — Е. Б.] [Там же, с. 135]. Обозначенная евангельскими словами высокая цель (спасти однажды — спасти навеки) — спасение погибающей души (движение к закону любви) сразу начинает проверяться на подлинность/мнимость, «провоцирует выход на поверхность всех скрытых намерений» [Тарасов, 2017, с. 176]. Четырежды использованное далее повествователем слово «вдруг» в ремарках к репликам Катерины Ивановны указывает на стремительные изменения эмоционального состояния героини, отражает нарастающие дурные предчувствия («нервно рассмеялась она вдруг», «опять странно усмехнулась вдруг», «воскликнула вдруг с необыкновенным жаром Катерина Ивановна», «крикнула она вдруг» [Достоевский, 1976, с. 136]), а также на трансформацию общей атмосферы, на приближение обвала, катастрофы. С появлением Грушеньки происходит «смена декораций», в комнате возникает другая действительность, где слова и поведение Катерины Ивановны расщепляются, утрачивают подлинность звучания и движения, лишаются ореола идеальности, с которым резонировал и который усиливал Алеша, и двойственность становится явной.

Лексема «цель» актуализирует также один из семантических пластов, связанных со значением «мишень» и значение ее поражения/повреждения, одержания победы за счет другого, что может быть закамуфлировано под вполне мирное поведение. Скандал в финале встречи раскрывает «оборотную» сторону намерений Катерины Ивановны — стремление превзойти Дмитрия своим великодушием и тем самым отомстить за «тогдашний роковой, вечно проклятый, проклятый день», когда она пришла к нему за деньгами для отца. За оглашенной светлой целью обнаруживается темная, тщательно маскируемая, связанная с мстостью, очевидно превосходящая все остальное. Сияние иллюзии исчезает под напором «закона Я» — уязвленного самолюбия, властности, разгула своеволия. Перспектива переворачивается, евангельские слова «спасти навеки» получают противоположный смысл — «погубить навеки».

Выход в комнату обеих героинь отмечен театральными деталями пространства — они появляются в комнате, выходя из-за портьера, как бы переступая порог, тем самым переходя из глубины пространства невидимого, скрытого на сцену — в пространство мистерии, где происходит выход тайны внутреннего человека из глубины наружу, на обозрение, на свет. «Но в тот же миг поднялась портьера и быстрыми, спешными шагами вошла Катерина Ивановна, с радостною восхищенною улыбкой протягивая обе руки Алеше» [Достоевский, 1976, с. 133]. «Поднялась портьера, и... сама Грушенька, смеясь и радуясь, подошла к столу» [Там же, с. 136]. Дословный повтор предметной детали («поднялась портьера» — ср. поднялся занавес) не только возвращает к предыдущей ситуации (выход Катерины Ивановны), но и делает значимым это обстоятельство: утверждает в мысли, что каждая из героинь ведет свою игру. Обе героини в какой-то момент переигрывают, разоблачая себя (мотив чрезмерности). В поведении Катерины Ивановны Алеша видит «слишком уж много восторга» [Там же, с. 137], в отношении Грушеньки отмечает ненатуральную манеру говорить: «Зачем это она так тянет слова и не может говорить натурально?» [Там же, с. 138]. Расчет Катерины Ивановны и, следовательно, профанность цели, маскируемой евангельской лексикой, становится явным, когда Грушенька отказывается от приписанных ей намерений (целей) и тем более от навязанной роли «ангела доброго», приносящего «покой и радость». Ответные реплики Грушеньки звучат самоуничтожительно и вместе с тем выглядят как предупреждение. Она сгущает темные стороны своей натуры («скверный характер», «скверная и самовластная», «непостоянная», «сердцем дурная», «своевольная» [Там же, с. 138–139]), входя в то состояние, которое требуется ей для уничтожения соперницы. Повторное упоминание об обещанном спасении Дмитрия (цели, ради которой состоялась встреча) становится кульминационной точкой этой части диалога с последующей развязкой — скандалом. Грушенька не только разрушает сценарий Катерины Ивановны, но и реализует свой — посмеяться над соперницей, увеличив пятно позора и унижения в ее жизни: Грушенька, обласканная и восхваленная, отказывается поцеловать ей ручку. В финале сцены Катерина Ивановна не в силах противостоять «водоворотному движению», “vortex”, по определению Андре Жида [Катто, 1978, с. 44]. Свергнутая с пьедестала самолюбования, осмеянная, ввергнутая в пучину злости и бессилия, она полностью теряет власть над собой и ситуацией. Перспектива, связанная со спасением пропадающей души, исчезает, и возникает тесное и душное, малое и плотное, замкнутое профанное пространство уязвленного самолюбия, которое провоцирует героиню на скандал.

В гл. «Луковка»⁵ лексема «цель» упоминается трижды, меняя тему диалога и его перспективы. Как и в случае с Катериной Ивановной, в начале встречи Алеша видит «другую» Грушеньку: «*вдруг* увидал в ней совсем как бы иное и *неожиданное* существо» [курсив наш. — Е. Б.] [Достоевский, 1976, 314–315]. На этот раз в ее «индивидуальном пространстве» расставлены совсем другие акценты: «все было просто, простодушно, движения ее были скорые, прямые, доверчивые» [Там же, с. 314–315]. Однако ситуацию меняет Ракитин, который напоминает Грушеньке о цели, ради которой он привел к ней Алешу.

Несмотря на слова Грушеньки, свидетельствующие об отказе от цели (цель упоминается в прошедшем времени), дальнейшие действия героини показывают, что она вне своего желания вновь оказывается во власти сценария соблазнения праведника. Эта часть в сжатом виде раскрывает суть первоначального замысла героини. Возвращается прежняя Грушенька («привскочила

⁵ Подробно эта сцена рассмотрена у Е. Фарино, В. Н. Захарова, Т. А. Касаткиной.

и прыгнула смеясь ему на колени, как ласкающаяся кошечка, нежно правой рукой охватив ему шею» [Достоевский, 1976, с. 315]), чему способствует мстительный Ракитин, желающий «увидеть “позор праведного” и вероятное “падение” Алеши “из святых во грешники”» [Там же, 310]. Его провокации демонизируют и сужают пространство, закрепляя Грушеньку в губительном сценарии соблазнения, который выступает как вариант сценария Катерины Ивановны в отношении нее самой. «Зазвала меня, победить хотела, шоколатом своим обольстить...» [Там же, 316]. Морок рассеивается, когда Ракитин второй раз, уже без циничных иносказаний сообщает о смерти старца Зосимы. Имя старца становится воскрешающим словом (теологемой) для Грушеньки. Возникшее духовное единение Алеши и Грушеньки отодвигает Ракитина на периферию ситуации, где он утрачивает возможность влияния и перестает понимать смыслы, возникающие в диалоге.

Третий раз лексема «цель» упоминается Грушенькой уже перед пересказом басни «Луковка», которая является частью ее исповеди и покаяния, свидетельствующих о происходящей «умопремене» (метанойе), об отказе от движения, подчиненного «закону Я». Содержание басни меняет пространство: сужает эмпирический горизонт и обозначает онтологическую перспективу, диалог перемещается в другую реальность. Е. Фарино отмечает, что «Алешу же и Ракитина единит тяжба за Грушеньку, т. е., они реализуют сюжет пересказанной Грушенькой “басни” о тяжбе между чертями и ангелом-хранителем за спасение погибающей в “огненном озере” души “одной злощей-презлющей бабы”» [Фарино, 2017, с. 20]. В комментариях повествователя к репликам Ракитина последовательно подчеркивается его усиливающаяся злоба и ненависть в противовес «размягчению» Грушеньки и Алеши («не скрывая уже злобы, огрызнулся Ракитин», «с ненавистною улыбкой проговорил Ракитин», «прокричал он с наглым смехом», «прошипел Ракитин», «злобно засмеялся он Алеше») [Достоевский, 1976, с. 317–324]. Они маркируют захват индивидуального пространства «темными началами» и омертвление его. Многозначительно выглядит в этом отношении деталь последней реплики Ракитина, когда он «окончательно озлился»: «...и зачем я, *черт*, с тобою связался!» [Там же, с. 325]. Слово «черт» в этом контексте утрачивает междометное значение и выступает в качестве уточнения, становясь самоопределением героя, и окончательно проясняет позиции действующих лиц. Дороги героев расходятся: Ракитин «круто» поворачивает на другую улицу, что в символике Достоевского означает уход во тьму, движение от сакрального центра, а Алеша идет полем к монастырю.

Лексико-синтаксический способ маркировки категории цели

Проблема цели, смысла человеческой жизни как ключевая прямо заявлена в книге второй (ч. 1, кн. II «Неуместное собрание», гл. VI). Реплика «Зачем живет такой человек!», помещенная в название главы VI, принадлежит Дмитрию Карамазову, возникает в апогее скандала и выглядит как осуждение и приговор «бесстыднику и притворщику» Федору Павловичу Карамазову. Но это станет ясно в дальнейшем. До погружения в события главы название «Зачем живет такой человек!», воспринятое отвлеченно от сюжета в виде фигуры экспрессивного синтаксиса, в которой сочетаются вопрос и восклицание, анонсирует ключевую экзистенциальную проблему романа, связанную с высшим смыслом, *telos*(ом) жизни человека как такового. Г. К. Щенников отмечает, что «Достоевский часто говорит о “человеке вообще”, но поскольку он не уверен, что знает человека, поскольку человек для него — всегда загадка, писатель стремится не к описанию, а к испытанию человеческой натуры, к определению соответствия между ее сегодняшними проявлениями и невоплощенными потребностями, в которых обнаруживается сущность человека» [Щенников, 1976, с. 4].

В главе величие вопроса о человеке «упирается» в неприглядную эмпирическую конкретность: смысл/цель жизни Федора Павловича Карамазова, шута, сладострастника и скандалиста. «Тема Федора Павловича Карамазова — это тема профанации, тема нравственного и эстетического безобразия, отсутствия “внутренней сдерживающей нормы”» [Джексон, 1976, с. 138] «— *Зачем живет такой человек!* — глухо прорычал Дмитрий Федорович... нет, скажите мне, *можно ли* еще позволить ему бесчестить собою землю, — оглядел он всех, указывая на старика рукой. Он говорил медленно и мерно» [курсив наш. — Е. Б.] [Достоевский, 1976, с. 69]. Реплика аккумулирует

не только гнев Дмитрия, но и всех собравшихся («оглядел он всех»). Миусов, отец Иосиф, Калганов приняли сторону Дмитрия. Цель существования «старикашки» негласно определяется как очевидно ничтожная. Комментарий повествователя к реплике Дмитрия — «глухо прорычал» раскрывает эмоциональный накал, разрушительное кипение страстей, манифестирует переход самим Дмитрием этической внутренней границы, за которым следует утрата человеческого облика и проступает «зверское» начало. Это сближает его с отцом, которого он осуждает. Слова в сочетании с «указующим» жестом публичного осуждения, порицания («указывая на старика рукой») предвещают роковое направление развития событий и создают мистический образ предрешенного зловещего будущего, где соперничество чревато убийством.

Сочетание «такой человек» в реплике заменяет слово «отец», которое Дмитрий в гневе не в состоянии произнести. Вместе с тем этот фрагмент реплики, вне сюжетных адресанта и адресата, обозначает «человека вообще», относится к «общим определениям человека и его жизни» [Кашина, 1986, с. 43]. Повтор фрагмента реплики актуализирует ключевую проблему романа о цели жизни того или иного героя, памяти и беспамятстве, в рамках антропологического дискурса формируя собирательный образ «такого человека»: эгоистичного (как Федор Павлович), преданного (как Григорий), униженного (как определяет себя Митя в разговоре с Алешей), умного и гордого (как Иван), с преступными замыслами (как Смердяков), зависимого от потребностей, находящегося в плену «бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок» [Достоевский, 1976, с. 284] (о котором говорит Зосима в наставлениях).

Рациональные целевые сценарии

В отличие от сценариев внутренней борьбы и возможности открытия telos(a) в БК есть полностью искусственные целевые сценарии, осуществление которых имитирует движение к истинной цели. Они лишены подсветки telos(ом), существуют в картине «рационально понятого мира», замкнутого в эмпирической реальности и лишённого связи с сакральными началами бытия, принципы и нормы которого определены умом, ориентированы на социальные шаблоны. Несостоятельность логического подхода к жизни, основанного на причинно-следственной связи, становится особенно очевидной при столкновении со стихией и хаосом эмоций. Так, в допросах Мити судебный следователь Нелюдов Николай Парфенович и прокурор Ипполит Кириллович (ч. III, кн. IX «Предварительное следствие», гл. IV «Мытарство второе», гл. V «Мытарство третье») пытаются рационально квалифицировать каждое действие Дмитрия в связи с реализуемой преступной целью и получают невозможный с их позиции ответ, что цели не было.

В сценах суда — в обвинительной и защитной речи — неоднократно звучит слово «цель». Лексический повтор («с низкой целью ограбления», «с целью грабежа») в рамках юридической речи имеет самодовлеющее значение, выполняет рамочную функцию, представляет собой стилистическую формальность или выступает как риторический прием, назначение которого — усилить убедительность аргументов обвинения/защиты. Однако пространность речей прокурора и защитника, обилие доводов и множество психологических нюансов не приближают к истине. Смыслы не углубляются, а увеличиваются количественно. Не случайна реплика безымянного слушателя судебного дела после речи прокурора: «Психологии наворотел уж много, — раздался другой голос»; «Да и риторики много, фразы длинные» [Достоевский, 1976, с. 151]. Психология создает видимость проникновения в личность человека и выступает как «палка о двух концах». Обвинения прокурора переворачиваются в речи защитника и становятся доводами в пользу подсудимого: «...каждый представляет подсудимого таким, каким видит его сам или же хочет видеть» [Сухих, 2015, с. 201]. Многословие и казуистика в сочетании с провозглашением «благородных целей» дублируются в речах черта, который в кошмаре Ивана Карамазова выступает адвокатом самому себе.

Как герой с иной картиной мира, Алеша попадает в серьезное затруднение, столкнувшись с необходимостью рационального, логического определения семейной ситуации, где все запутано: «Любить пассивно он не мог; возлюбив, он тотчас же принимался и помогать. А для этого надо было *поставить цель*, надо твердо было знать, что каждому из них хорошо и нужно, а *утвердившись в верности цели*, естественно, каждому из них и помочь» [Достоевский, 1976, с. 170].

Заключение

Таким образом, уже в первом приближении — исследовании лексического способа экспликации категории цели в словесных действиях героев БК — выявляется развернутая структура содержательного уровня, возникающая посредством актуализации, то есть «введения в отношения с настоящим» [Зыховская, 2000, с. 88], «определенного значения слова, появляющегося на различных речевых уровнях, часто в виде легких намеков, повторов, но всегда эксплицированных в текст (то есть словесно заявленных)» [Там же, с. 88]. Для данного способа художественной выразительности существует термин «лейтмотив», однако применительно к творчеству Достоевского представляется уместным использовать понятие «категория». В этом случае акцентируется философский аспект проблематики, что принципиально для понимания идейного комплекса, архитектоники романа БК и содержания авторского сознания.

Словесные действия героев Ф. М. Достоевского подчеркнута целенаправленны, несут сильный эмоциональный и идейный заряд, который может оказать влияние на собственное состояние говорящего и на адресата и, следовательно, переформатировать понимание какой-либо жизненной ситуации, события, аспекта. Как и в драме, «высказывание здесь — это прежде всего речевой акт, связанный с ориентировкой человека в создавшемся положении. Своими репликами персонажи драматических произведений откликаются на развертывание событий и влияют на их дальнейшее течение» [Хализев, 1978, с. 7]. Через обращенность к физической реальности идеи способны получить материальное воплощение, становясь движущей силой поступков героев. Как отмечал М. М. Бахтин, «идея интериндивидуальна и интерсубъективна, сфера ее бытия — не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями. Идея — это живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний» [Бахтин, 2002, с. 99].

Сценарий цели (исток — путь — цель) реализуется внутри эмпирических обстоятельств, как правило, имеющих кризисный характер и отличающихся усиленным драматизмом. Взятые в условной отдельности (извлеченные из сюжета), все упоминания — повторы образуют сквозное движение и развитие идеи в сюжете. Однако повтор перерастает функцию стилистического приема. Повторяемость выступает как основной фактор деперсонализации смыслов (лишения личностных характеристик), способом вывода смыслов в онтологический план.

Категория цели в БК сопряжена с другой ведущей категорией — памяти, выступает в единстве с ней. Внутренний мир героев проверяется на способность помнить/вспомнить истинную цель жизни и степень впадения в состояние беспамятства, забвения *telos(a)*. С вневременным содержанием, хранящимся в пространстве культурной памяти, соотносится любая цель, то есть образ будущего, формирующийся в линейной перспективе. Усредненное сознание находится полностью во власти ложных целей и лишено возможности соприкосновения с воскрешающим *telos(ом)*. В философии Достоевского цель, заключенная «в земных пределах, есть предательство своих настоящих целей и предательство себя и своей человеческой природы» [Касаткина, 2018, с. 131].

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. Н. Ярцева. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — 682 с. — URL : <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 25.08.2025).
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 1963. Работы 1960-х. — 1970-х гг. — М. : Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. — Т. 4. — 505 с.
3. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. — М. : Т8 Rugram, 2018. — 102 с.
4. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. — М. : Языки славянских культур, 2007. — 520 с.
5. Бэлнеп Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых». — СПб. : Академический проект, 1997. — 144 с.
6. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Философские работы. — М. : Гнозис, 1994. — Ч. 1. — С. 407–492.
7. Волков В. В., Волкова Н. В. Духовный реализм как единство секулярного и сакрального в поэтическом творчестве иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина) // Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 63. — С. 234–246. — DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-234-246>.
8. Делёз Ж. Логика смысла // Логика смысла. М. Фуко *Theatrum philosophicum*. — М. ; Екатеринбург : Раритет : Деловая книга, 1998. — С. 10–437.

9. Джексон Р.-Л. Вынесение приговора Федору Павловичу Карамазову // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. — Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1976. — Т. 2. — С. 137–144.
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман // ПСС Ф. М. Достоевского : в 30 т. 1972–1990. — Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1976. — Т. 24, кн. 1–10. — 511 с. ; Т. 25, кн. 11–12 : Эпилог. Рукописные редакции. — 624 с.
11. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год, ноябрь — декабрь // ПСС Ф. М. Достоевского : в 30 т. 1972–1990. — Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1982. — Т. 24. — 519 с.
12. Зубец О. П. Об этическом смысле понятия ἀρχή // Этическая мысль. — 2019. — Т. 19, № 1 — С. 49–62.
13. Зыховская Н. Л. «Лейтмотив в ряду других общесемиотических концептов» // Вестник Челябинского государственного университета. — 2000. — Т. 2, № 1. — С. 87–96.
14. Исупов К. Г. Метафизика Достоевского. — М., СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2016. — 208 с.
15. Катто Ж. Пространство и время в романах Достоевского // Материалы и исследования. — Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1978. — Т. 3. — С. 41–53.
16. Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / отв. ред. Е. А. Тахо-Годи. — М. : Водолей, 2019. — 336 с.
17. Касаткина Т. А. «Записки из подполья» и «Маша лежит на столе...»: Опыт медленного чтения в ближайшем контексте // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2018. — № 1. — С. 121–147.
18. Кашина Н. В. Человек в творчестве Ф. М. Достоевского. — М. : Художественная литература, 1986. — 318 с.
19. Лихачев Д. С. В поисках реального // Достоевский. Материалы и исследования. — Л. : Наука, Ленинград. отд-ние. 1974. — Т. 1. — С. 613–621.
20. Лихачев Д. С. Летописное время у Достоевского // Поэтика древнерусской литературы. — Л. : Художественная литература, Ленинград. отд-ние, 1971. — С. 347–363.
21. Непомнящий В. С. Избранные работы 1960-х — 1990-х гг. Кн. 2 : Пушкин. Русская картина мира. — М. : Моск. учеб., 2001. — 492 с.
22. Овчинников А. Г. «Чудо» и «парадокс» в онтологии Ф. Достоевского и С. Кьеркегора // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа) : сб. науч. тр. — Екатеринбург, 2001. — С. 164–197.
23. Радзиевская Т. В. Семантика слова цель // Логический анализ языка. Модели действия. — М. : Наука, 1992. — С. 30–35.
24. Сухих О. С. Две судебные ошибки («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и «Американская трагедия» Т. Драйзера) // Уральский филологический вестник. Сер. «Русская классика: динамика художественных систем». — 2015. — № 3. — С. 195–204.
25. Скафтымов А. П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Нравственные искания русских писателей. — М. : Художественная литература, 1972. — С. 23–87.
26. Сканлан Дж. Р. Достоевский как мыслитель. — СПб. : Академический проект, 2006. — 256 с. — С. 9.
27. Тарасов Б. Н. Tertium non datur: к вопросу о месте и значении творчества Ф. М. Достоевского в мировом историко-культурном процессе // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте / под ред. И. А. Есаулова, Ю. Н. Сытиной, Б. Н. Тарасова. — М. : Индрик, 2017. — 488 с.
28. Хализев В. Е. Драма как явление искусства. — М. : Искусство, 1978. — 240 с.
29. Фарино Е. Луковицы и огурцы // Культура и текст. — 2017. — № 4. — С. 7–72
30. Фришман А. О С. Кьеркегоре и М. Бахтине «с постоянной ссылкой на Сократа» // Русские и датские интерпретации творчества С. Кьеркегора. — М. : Ad Marginem, 1994. — С. 102–122.
31. Чудаков А. П. Предметный мир Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л. : Наука, Ленинград. отд-ние. 1980. — Т. 2. — С. 96–105.
32. Щенников Г. К. Мысль о человеке и структура характера у Достоевского // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования. — Л. : Наука, Ленинград. отд-ние. — 1976. — Т. 2. — С. 3–10.

References

1. Arutyunova N. D. Discourse. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. Gl. red. B. N. Yartseva*. [Linguistic Encyclopedic Dictionary. Ed. by B. N. Yartseva]. Moscow, Sovetskaya Encyclopediya, 1990, 682 p. Available at: <https://web.archive.org/web/20140701071456/http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (accessed: 25.08.2025). (In Russian).
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo. 1963. Raboty 1960-kh. — 1070-kh gg.* [Issues of Dostoevsky's Poetics. Works of the 1960s — 1970s.]. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskikh kultur, 2002, vol. 4, 505 p. (In Russian).

3. Berdyaev N. A. *Otkroveniye o cheloveke v tvorchestve Dostoyevskogo*. [Revelation about man in Dostoevsky's works]. Moscow, T8 Rugram, 2018, 102 p. (In Russian).
4. Bragina N. G. *Pamyat v yazyke i kulture*. [Memory in language and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur, 2007, 520 p. (In Russian).
5. Belknap, R. L. *Struktura "Bratyev Karamazovykh"*. [The Structure of "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, Academicheskii Proekt, 1997, 144 p. (In Russian).
6. Wittgenstein, L. Culture and Value. *Filosofskiye raboty*. [Philosophical Works]. Moscow, Gnosis, 1994, pt. 1, pp. 407–492. (In Russian).
7. Volkov V. V., Volkova N. V. Spiritual realism as the unity of the secular and the sacred in the poetic works of Hieromonk Roman (Matyushin-Pravdin). *Vestnik slavyanskikh kultur*. [Bulletin of Slavic Cultures]. 2022, vol. 63, pp. 234–246. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-234-246>. (In Russian).
8. Deleuze G. The logic of meaning. *Logika smysla. M. Fuko Theatrum philosophicum*. [The Logic of Meaning. M. Foucault, Theatrum philosophicum]. Moscow; Yekaterinburg, Raritet: Delovaia kniga, 1998, pp. 10–437. (In Russian).
9. Jackson R. L. The passing of sentence on Fyodor Pavlovich Karamazov. *F. M. Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya*. [F. M. Dostoevsky. Materials and Research]. Leningrad, Nauka, Leningrad Department, 1976, vol. 2, pp. 137–144. (In Russian).
10. Dostoevsky F. M. The Brothers Karamazov: a novel. *PSS F. M. Dostoyevskogo: v 30 t.* [Complete Works of F. M. Dostoevsky: in 30 volumes]. 1972–1990. Leningrad, Nauka, Leningrad Department, 1976, Vol. 24, Books 1–10. 511 p.; Vol. 25, Books 11–12: Epilogue. Handwritten editions. 624 p. (In Russian).
11. Dostoevsky F. M. The writer's diary for 1876, November–December. *PSS F. M. Dostoyevskogo: v 30 t.* 1972–1990. [Complete Works of F. M. Dostoevsky: in 30 volumes. 1972–1990. Vol. 24]. Leningrad, Nauka, Leningrad Department, 1982, vol. 24. 519 p. (In Russian).
12. Zubets O. P. On the ethical meaning of the concept of ἀρχή. *Eticheskaya mysl*. [Ethical Thought]. 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 49–62. (In Russian).
13. Zykhevskaya N. L. Leitmotif among other general semiotic concepts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2000, vol. 2, iss. 1, pp. 87–96. (In Russian).
14. Isupov K. G. *Metafizika Dostoyevskogo*. [Dostoevsky's Metaphysics]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2016, 208 p. (In Russian).
15. Catteau J. Space and time in Dostoevsky's novels. *Materialy i issledovaniya*. [Materials and Research]. Leningrad, Nauka, Leningrad Branch, 1978, vol. 3, pp. 41–53. (In Russian).
16. Kasatkina T. A. *Dostoyevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya. Otv. red. Ye. A. Takho-Godi*. [Dostoevsky as a philosopher and theologian: an artistic mode of expression. Ed. by E. A. Takho-Godi]. Moscow, Vodoley, 2019, 336 p. (In Russian).
17. Kasatkina T. A. "Notes from the Underground" and "Masha is Lying on the Table...": slow close reading in the immediate context. *Dostoyevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskii zhurnal*. [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]. 2018, iss. 1, pp. 121–147. (In Russian).
18. Kashina N. V. *Chelovek v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo*. [Man in F. M. Dostoevsky's works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1986, 318 p. (In Russian).
19. Likhachev D. S. In search of reality. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya*. [Dostoevsky. Materials and Research]. Leningrad, Nauka, Leningrad Branch, 1974, vol. 1, pp. 613–621. (In Russian).
20. Likhachev D. S. Time of chronicles in Dostoevsky. *Poetika drevnerusskoy literatury*. [Poetics of Old Russian Literature]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, Leningrad. Branch, 1971, pp. 347–363. (In Russian).
21. Nepomnyashchy V. S. *Izbrannyye raboty 1960-kh — 1990-kh gg.* [Selected Works, 1960s–1990s]. Vol. 2: Pushkin. The Russian Picture of the World. Moscow, Moskovskiy uchebnyk, 2001, 492 p. (In Russian).
22. Ovchinnikov A. G. "Miracle" and "paradox" in the ontotheology of F. Dostoevsky and S. Kierkegaard. *Evolyuitsiya form khudozhestvennogo soznaniya v russkoy literature (opyty fenomenologicheskogo analiza): sb. nauch. tr.* [The evolution of forms of artistic consciousness in Russian literature (experiences in phenomenological analysis): Collection of research papers]. Yekaterinburg, 2001, pp. 164–197. (In Russian).
23. Radzievskaya T. V. Semantics of the word "goal". *Logicheskii analiz yazyka. Modeli deystviya*. [Logical Analysis of Language. Models of Action]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 30–35. (In Russian).
24. Sukhikh O. S. Two Miscarriages of Justice (Fyodor Dostoevsky's "The Brothers Karamazov" and T. Dreiser's "An American Tragedy"). *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Ser. Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem*. [Ural Philological Bulletin. Series: Russian Classics: Dynamics of Artistic Systems]. 2015, iss. 3, pp. 195–204. (In Russian).
25. Skaftymov A. P. Thematic composition of the novel "The Idiot". *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisateley*. [Moral Quests of Russian Writers]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura, 1972, pp. 23–87. (In Russian).
26. Scanlan J. R. *Dostoyevskiy kak myslitel*. [Dostoevsky the Thinker]. St. Petersburg, Academicheskii Proekt, 2006, 256 p., p. 9. (In Russian).

27. Tarasov B. N. Tertium non datur: On the place and significance of F. M. Dostoevsky's work in the global historical and cultural process. *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kulturno-istoricheskom kontekste. Pod red. I. A. Yesaulova, Yu. N. Sytinoy, B. N. Tarasova*. [Russian Classical Literature in the Global Cultural and Historical Context. Ed. by I. A. Esaulov, Yu. N. Sytina, and B. N. Tarasov]. Moscow, Indrik, 2017, 488 p. (In Russian).
28. Khalizev V. E. *Drama kak yavleniye iskusstva*. [Drama as an Art Phenomenon]. Moscow, Iskusstvo, 1978, 240 p. (In Russian).
29. Farino E. Onions and cucumbers. *Kultura i tekst*. [Culture and Text]. 2017, iss. 4, pp. 7–72. (In Russian).
30. Frishman, A. On S. Kierkegaard and M. Bakhtin "with constant references to Socrates". *Russkiye i datskiye interpretatsii tvorchestva S. Kyerkegora*. [Russian and Danish Interpretations of S. Kierkegaard's Work]. Moscow, Ad Marginem, 1994, pp. 102–122. (In Russian).
31. Chudakov, A. P. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya*. [Dostoevsky's World of Objects]. Leningrad: Nauka, Leningrad. Publishing House. 1980, Vol. 2, pp. 96–105. (In Russian).
32. Shchennikov, G. K. F. M. *Dostoyevskiy. Materialy i issledovaniya*. [Dostoevsky's Thoughts about Man and Structure of a Character]. Leningrad, Nauka, Leningrad Branch, 1976, vol. 2, pp. 3–10. (In Russian).

Информация об авторе

Бондарчук Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социальных систем и права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва.

Сфера научных интересов: русская литература XIX–XX веков, творчество Ф. М. Достоевского, Б. Л. Пастернака.

Information about the author

Bondarchuk Elena Mikhailovna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of social systems and law of Samara National Research University named after academician S. P. Korolev. Research interests: Russian literature of the XIX–XX centuries, works of F. M. Dostoevsky, B. L. Pasternak.

Статья поступила в редакцию 28.08.2025; принята к публикации 13.10.2025.
The article was submitted 28.08.2025; accepted for publication 13.10.2025.